

Александр Русалев

Сборник прозы

Александр Русалев

Сборник прозы

<https://litres.ru/74271492>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это проза для читателей, уставших от гладких сюжетов и ценящих литературу, которая ломает формы. Автор не боится смешивать высокое с низким, трагедию с балаганом. Его мир — это театр, где маски слетают вместе с кожей.

Сборник балансирует на грани гротескного абсурда, пародий на идеологемы и философской притчи.

За внешним балаганом стоит тема потери себя в чужих правилах; поиска смысла через разрушение старых форм, чтобы утвердить новую реальность, пусть и столь же абсурдную.

Содержание

Глава 1 Рабочий и колхозница	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александр Русалев

Сборник прозы

Глава 1 Рабочий и колхозница

Рабочий Петров прыгнул с пьедестала, положил молот и подал руку колхознице Сидоровой. Та оперлась на неё и, тоже ступив на землю, аккуратно спрятала серп в сумку.

— А что вы делаете сегодня вечером? — спросил рабочий колхозницу.

Она на секунду задумалась, посмотрела бездонными глазами будто сквозь Петрова и ответила отстранённо:

— Да ничего особенного. Приду домой, поужинаю, почи-
таю книгу и лягу спать.

Дальше шли молча. Рабочий думал: «Она даже не спросила, что я буду делать сегодня вечером. Неужели я ей настолько безразличен?»

Пара чеканила шаг по тротуару, и прохожие учтиво кивали им, узнавая. Наконец, рабочий не выдержал:

— Послушайте, но сегодня же пятница!

— Да, пятница, — безучастно ответила Сидорова. — Ну и что?

— Ну ведь впереди выходные! — горячо выпалил рабочий.

— Да, я помню.

— Ну так завтра мы отдыхаем... А пятница, как говорится

— пьяница... Может, мы сегодня... напьёмся с вами?

— Нет, знаете, — ответила колхозница, — я пью только по большим праздникам. Я же не забудыга какая-то.

— Ну что вы, я совсем не... — осёкся рабочий. — Но весна ведь... Такое настроение... У меня дома две бутылки «Агдама». Может, заглянете? Посидим культурно — есть пластинки. Вот, к примеру, недавно «Мелодия» выпустила новый миньон с песнями Эдиты Пьехи — послушаем?

— Ой, нет, нет, извините. Я так устала, очень хочется домой. Тем более завтра надо сделать генеральную уборку — приезжают родственники из Таганрога.

— А какую литературу вы предпочитаете? — решил смелить тему Петров.

— Да разную.

— Ну а что вы читаете сейчас, какую книгу?

— «Процесс» Франца Кафки. Только вчера в библиотеке взяла — еле выхватила, очередь на него огромная.

— Ха! — хохотнул рабочий. — Смешная фамилия. И как роман — вам нравится? О чём там? Детектив, наверное?

— Не совсем, — слегка улыбнулась колхозница. — Это, скорее, притча-загадка. О человеке, которого вдруг арестовывают, но не говорят, в чём вина. Он пытается понять, добиться справедливости — а суть всё время ускользает, становится ещё непонятнее.

Она помолчала, подбирая слова.

— Знаете, иногда мне кажется, что это про то, как человек теряется в мире правил, которые сам не создавал. Вроде всё по закону, а смысла нет. И чем больше пытаешься разобраться, тем сильнее запутываешься.

Петров нахмурился, обдумывая.

— Звучит... невесело. Зачем же тогда читать?

— А затем, — Сидорова взглянула на него серьёзно, — что иногда важно увидеть эту путаницу. Чтобы не забыть: мир не всегда логичен. И чтобы не потерять себя в этих правилах.

Они спустились в подземный переход и вышли к станции метро ВДНХ. Над входом сияла свежая вывеска с гербом СССР и надписью «Выставка достижений народного хозяйства» — недавно отремонтировали.

— А знаете, я, грешным делом, стихи пишу. Так, иногда, от скуки, — смущённо сказал рабочий и почему-то стукнул своим молотом по асфальту сильнее, чем положено в рамках приличия.

Колхозница даже немного дёрнулась и с удивлением посмотрела на него.

— Стихи? — подняв брови, она усмехнулась. — И о чём пишете? Про трудовые будни работников ГУЛАГа или, может, про любовь-морковь?

Колхозница рассмеялась так по-детски наивно и чисто, что рабочему стало приятно, даже несмотря на то, что со-

всем не терпел, когда над ним потешаются.

— О нет, — хитро прищурился Петров и перекинул молот из руки в руку, играя мышцами. — Ни то ни другое. Просто про животных.

— Да что вы? — снова удивилась Сидорова. — Про каких же животных вы пишете? Уж не про изысканного ли жирафа?

Рабочий остановился и с интересом уставился в глаза колхознице. Под этим взглядом она замерла.

— Если честно, мне не особо нравится Гумилёв, — сказал он серьёзно. — Какой-то он с подвывертом. Ну разве что «Посмотри в глаза чудовищ» неплохо.

— Занятно. Ни за что бы не подумала, что вы такой знаток! Так про каких животных у вас? — спросила без иронии колхозница. — Было бы любопытно послушать.

— Ну про каких... про разных. Но больше всего люблю про проблемных.

— Каких-каких?

— Проблемных. Например, про инураклашертсепалого или про гомунклаварравызлотоперьевого, про козлосебурого седогривого.

Сидорова закашлялась и вытаращила глаза так, что лицо её стало совсем не красивым и даже неприятным.

— Да вы с дуба рухнули, товарищ? Нет таких животных ведь.

— Ну это же стихи, — улыбнулся Петров.

— Так-так, интересно. Дайте папироску.

Рабочий достал пачку «Беломора» и вынул две папиросы — себе и колхознице. Чиркнул спичкой. Колхозница глубоко затаилась.

— Слушайте, а пойдёмте действительно к вам, — сказала она, выпустив дым через ноздри. — И вы мне почитаете свои стихи про проблемных животных. Только сначала заглянем в булочную — у вас ведь наверняка ни крошки хлеба нет. А я вот как раз талон на батон получила.

Рабочий разлил в гранёные стаканы благородно-бордовый «Агдам». На журнальном столике в крошечной комнате коммуналки стояла тарелка с нарезанным белым хлебом и открытая банка шпрот, рядом лежала подкова краковской колбасы.

— Неплохо живёте, — сказала колхозница, обводя взглядом комнату. — И торшер у вас какой красивый. Шкаф, комод, тапочки велюровые. И вот даже шпроты с колбасой.

— Рабочий класс, а как же! Нас ценит государство, — гордо сказал Петров и задрал подбородок.

— Хорошо. А я пока в бараке живу в Лианозово. Ну да ладно, скоро перееду к подруге в коммуналку рядом с Бутыркой.

— Ну, за трудовой народ! — Петров поднял стакан и добавил громко: — За нашу советскую родину, за партию и правительство!

— Ура-а-а! — так же громко пропела Сидорова.

Они чокнулись и выпили до дна. Сидорова, к удивлению Петрова, справилась с порцией быстрее. Оба крякнули и откусили по кусочку краковской.

— Ну что, Петров, — с кокетством проговорила Сидорова, — почитайте же мне свои стихи.

— Не вопрос, — рабочий резко встал с табуретки, подскочил к комоду и выудил из ящика потрёпанную зелёную тетрадку.

Потом он шагнул в центр комнаты, выпятил грудь, выставил вперёд «граблю», сжимавшую рукопись, и с чувством начал читать:

Беломордый овцорохля,
меркантильный и кусачий,
слишком сильный и гремачий,
что ты скажешь мне, не зрячий?

Ты ль украл мою идею
и умчался свистом пули,
наклонившись загогулюю,
и прислал вчера мне дулю?

И меня поставив в позу,
сидишь, пишешь, гнида, прозу,
получаешь больше пайку,
ну а надобно нагайку.

Закрутите, падлы, гайки
так, чтоб пар свистел повсюду.
Откормили ж вы Иуду,

сучьи черти с Голливуда.

Ну а с нашего холма
площадь красная видна,
а за ней заводов море —
будет вам, уродам, горе.
Будет вам скоро мазня,
овцeroхля чертовня.

Петров замолчал, опустил руку и внимательно посмотрел на Сидорову. Та замерла, переваривая услышанное. В её глазах мелькнуло что-то вроде замешательства, но потом она улыбнулась — не наигранно, а с искренним любопытством.

— Знаете, — медленно произнесла она, — это... неожиданно. В ваших стихах есть энергия. Вы показываете мир, который никто другой не видит. Это как Кафка, только наоборот: у него всё мрачно, а у вас — буйно, даже весело. Давайте ещё по стаканчику — и прочитайте что-нибудь про козлoебурoгa.

Выпили, закусили. Петров продолжил:

Думали, что носорог?

Хер вам — козлoебурoг!

Он вздымается над кручей,
серый, скользкий и вонючий,
и болтается мотня
от пупа и до тебя!

Да, да, да, смотри сюда —
эта притча про тебя.

И не надо отводить
взгляд свой гнусный, пол сверлить.

Ну-ка, ты иди сюда,
овцебитная свинья,
подставляй свою мошну —
будет больно, мать твою!

Будет жёстко и строптиво.

Ну а как хотел ты, гнида?

Будет стыдно на весь свет,
и остынет твой обед.

Ты пропустишь, сука, ужин,
никому на хер не нужен,
опозорен и убит —
козлюбургов гамбит!

— Браво! — Сидорова хлопнула в ладоши, и её глаза загорелись каким-то новым огнём. — Это не просто стихи, Петров. Это... революция!

Раскрасневшийся от радости и смущения Петров налил ещё по стакану «Агдама».

Сидорова, хлопнув залпом стакан и даже не закусив, вскочила. Вынула быстро из сумочки серп и крутанулась в танце по комнате. Лезвие сверкнуло в свете лампы, оставив тонкую царапину на спинке стула.

— Что вы делаете? — опешил Петров.

— Танцую! — крикнула она. — Танцую под ритм ваших стихов! Разрушаю старые формы!

Петров, заразившись её энергией, поднял молот.

— Разрушаем! — воскликнул он и с размаху ударил по шкафу. Дровесина треснула, полки обрушились, книги полетели на пол.

Сидорова расхохоталась и, не переставая кружиться, чиркнула серпом по занавескам. Ткань каждой шторы распалась надвое, отчекрыженные лоскуты скользнули на пол.

— Да! — кричала она. — Разрушим к свиньям собачьим всё старое!

Их движения становились всё более неистовыми. Петров размахнулся молотом и разбил зеркало над комодом. Осколки брызнули во все стороны, отражая их искажённые, счастливые лица.

Из-за стены послышался стук, а потом и недовольный крик соседа Брунштейна:

— Что происходит? Я сейчас милицию вызову!

— Да всё хорошо, Лев Яковлевич, — весело ответил Петров. — Разрушаем всё старое в поисках нового смысла. А в милицию лучше не звоните, а то я скажу, что вы английский шпион и ещё тайно избиваете соседку Карнаухову.

Брунштейн что-то недовольно проворчал из-за стены и затих.

Петров откупорил новую бутылку и разлил портвейн в стаканы до краёв. Подошёл к патефону, со скрипом давя осколки зеркала, и поставил пластинку Эдиты Пьехи.

— Потанцуем? — спросил он Сидорову и протянул ей ру-

ку.

Сидорова встала. Её кисть утонула в огромной клешне рабочего.

— Нет, Петров, есть идея получше танцев.

После этих слов она стянула платье, оставшись в зелёных трусах в красный горошек, развернулась и, наклонившись, облокотилась о комод.

— Возьми меня, Петров, возьми полностью! — воскликнула она.

Голова Сидоровой, тихо скрипнув, вдруг развернулась на сто восемьдесят градусов. Глаза колхозницы светились inferнальным блеском.

— Дай волю своему могучему молоту. Отрихтуй меня по полной программе!

Сидорова утробно рассмеялась, по телу пошли волны, крупный зад затрясся.

В два шага рабочий оказался у двери, где стоял молот, и, схватив его, подлетел к колхознице. Держа молот обеими руками, Петров размахнулся что было сил и обрушил его на спину Сидоровой.

— Да-а-а-а! — страстно прохрипела та, изо рта её пошла густая красная пена.

Как заправский молотобоец, Петров бил молотом по спине Сидоровой, наращивая темп. От неё отлетали куски мяса и с глухим звуком падали на пол.

— Ещё-ё-ё! — шипела Сидорова и крутила теперь голо-

вой вокруг своей оси, разбрызгивая хлопья красной пены по всей комнате. — Ещё, о мой мясник-молотобоец!

Плоть на спине колхозницы закончилась, и рабочий переключился на её зад. Когда и там уже ничего не осталось, Петров, откинув молот, упал на колени и принялся руками сдирать мясо с ног Сидоровой.

— Кончаюсь! Кончаюсь! — стонала Сидорова.

Когда на задней части тела Сидоровой остался только железный каркас на заклёпках и пучки проводов, она трубно завывала: «Ыыыы!» и упала мешком на пол. Потом развернулась, раздвинув ноги.

— Теперь спереди, — резко приказала её голова с висящими на проводах смешно вывалившимися глазами.

Петров провёл процедуру спереди и, изнеможённый, осел на пол.

Оставшийся от Сидоровой металлический каркас вскочил:

— Теперь моя очередь! — прокаркал он и выхватил из сумочки серп.

Петров и Сидорова проснулись в железных объятиях друг друга, когда солнце показалось из-за обрывков занавесок. Они лежали на полу, покрытом кровавыми ошмётками и зеркальной крошкой, и были по-настоящему счастливы.

— Ты порвал мне центральный провод сервопривода таза, шалунишка, — ласково проскрипела Сидорова в левый динамик Петрова. Она игриво поводила железным пальчиком

по месту, где у того когда-то был нос.

— Не переживай, у меня есть паяльник, — с ещё большей нежностью ответил Петров. — Спаяем.

— Но знаешь что? — озадаченно проговорил он. — Как же мы пойдём теперь такие на работу? Что скажут люди?

— Да всё равно, что они скажут, — ответила спокойно Сидорова. — Пусть привыкают, нелепые мясные машины.

Они сели на полу и засмеялись, разглядывая свои новые тела.

— Пойдём, — она кивнула на дверь. — Покажем им новый идеал.

Обновлённые рабочий и колхозница синхронно поднялись и шагнули к выходу. Петров зацепился копытом за порог, Сидорова врезалась клювом в косяк, скрипуче хихикая, они выбрались в коридор. Далеко внизу гудел лифт, а где-то наверху радио пело: «Широка страна моя родная...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.